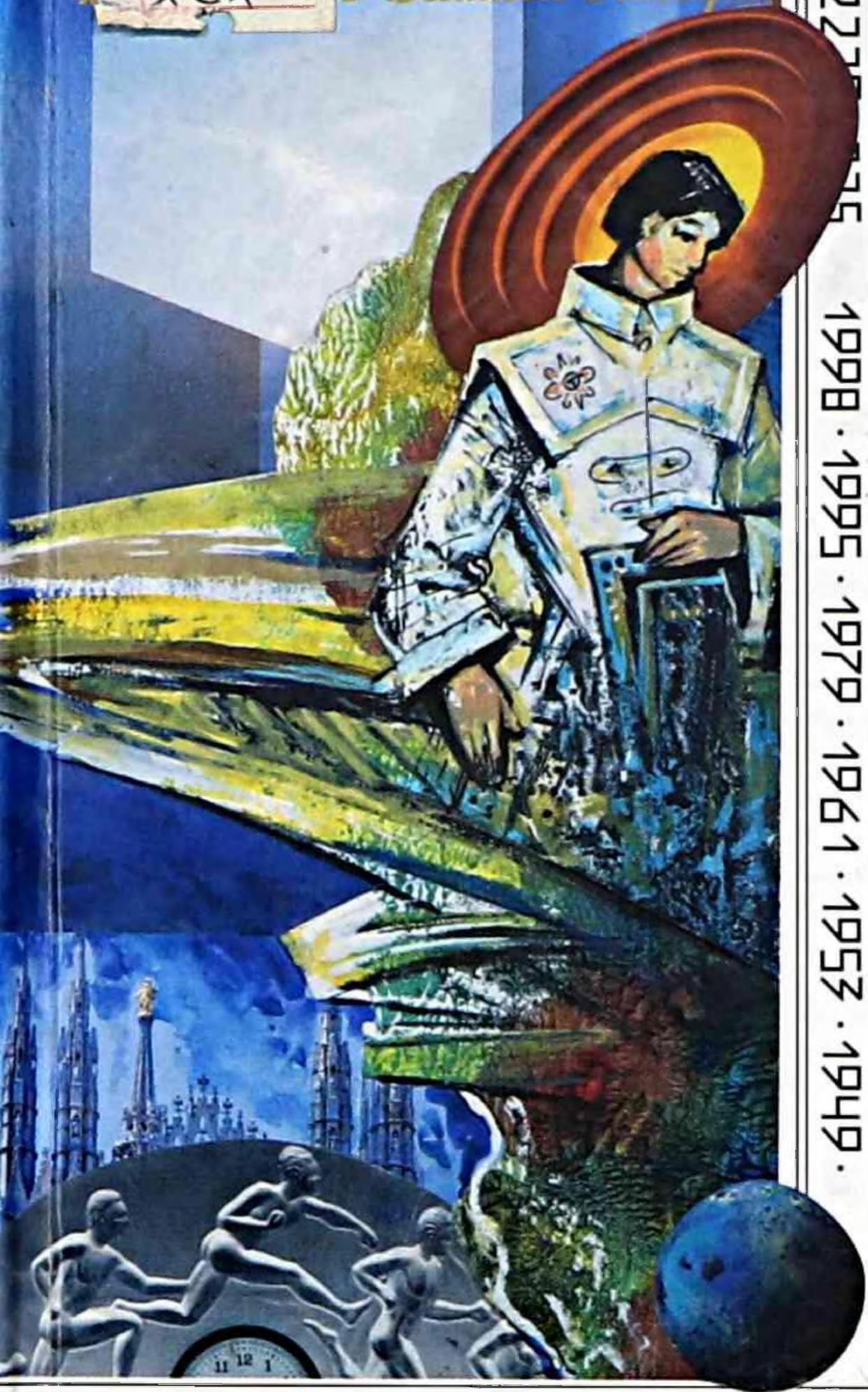

84 (2 Росс Русс)
Я БН КФ

ю Великой Победы

29.222... 1998.1995.1979.1961.1953.1949.

ВЛАДИМИР ЯНОВ

12+

Сквозь жестокую
очередь лет

9.05.1945 . 1944 . 1943 . 1942 . 18.11.1941.

1944 . 1943 . 194

L.P.S. v J.B.

29.99.45

31.10.985

30.12.146

2.03.58

202-150

Несравненной
Ташыне
есть автор
18.04.2005г.
Дмитрасевич
ко Дню Победы!

Книга получена в дар
от Якова В

8Н(2Рос=Рус)Бк
ЯБЦ

60-летию Великой Победы посвящается

Владимир Янов

Сквозь жестокую очередь лет

Фантастическая повесть

— быль для юношества

110331

Библиотека-музей
г.Находка

г. Находка.
2005 г.

ОК ЦБС
г. Находка

ББК 83.8

Я 64

Янов В. С. Сквозь жестокую очередь лет – Владивосток: ОАО «Приморский полиграфический комбинат», 2005. – 120 стр. с ил.

Редактор

В. С. Янов

Макет обложки

Член Союза художников России

и иллюстрации

Н. П. Саунин

О ПОМОЩНИКАХ И СПОНСОРАХ.

Эта повесть создавалась долго и тяжело. Но благодаря постоянной поддержке руководства и членов литературного клуба «Элегия», я решился на её окончательную доводку и публикацию.

Моя горячая благодарность за это Президенту клуба «Элегия» Дине Владимировне Усатой, члену Союза писателей России Станиславу Владимировичу Кабелеву и члену клуба, находкинскому писателю Николаю Николаевичу Тертъшному, написавшему к моей повести предисловие и посвятившему ей свои замечательные стихи. Строчка из его стихотворения стала названием моей повести.

Очень мне помог находкинский художник, член Союза художников России Николай Павлович Саунин, за короткое время оформивший обложку книги и создавший все чудесные иллюстрации к ней.

Огромное спасибо работникам издательства ОАО «Приморский полиграфический комбинат», за короткое время создавшим макет этой книги, и издавшим её со столь прекрасным качеством.

Самое деятельное участие в издании повести к 60-летию нашей Великой Победы приняли мои давние помощники-спонсоры, так много делающие для развития культуры в нашем прекрасном городе.

Это Генеральный директор ООО «Малый Порт» Борис Иннокентьевич Гладких, Генеральный директор ОАО «Комплекс» Инесса Александровна Пестерева, Председатель ПК «Бетонщик» Виталий Егорович Кожуховский, директор стоматологической поликлиники «Юдент» Юрий Николаевич Паршков, директор ООО «Дасма» Станислав Ефимович Щebetюк, Генеральный директор ООО «Дом» Сергей Григорьевич Арефьев, Генеральный директор ЗАО ВМКС Майкл Фридрих. Благодаря их скорой финансовой помощи эта книга вышла необыкновенно быстро, всего за один месяц.

Но, уверен, что самой большой радостью для всех, принявших участие в создании этой книги, будет её востребованность читателем. Я очень надеюсь, что эта книга привлечёт внимание молодого читателя своей исторической трагичностью, заставит его вспомнить недавнюю, очень тяжкую страницу из истории своей страны, позволит понять и оценить огромные жертвы нашего народа в борьбе за свободу своей Родины.

Владимир Янов, март 2005 г.

ISBN 5-900274-12-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

В школе на уроках литературы старшеклассники нередко пишут сочинения на тему : «В жизни всегда есть место подвигу». И если при этом речь идёт о Великой Отечественной войне, то мальчишки пишут об Александре Матросове, а девочки — о Зое Космодемьянской.

Подвиги героев той Великой из войн учат нас служить Родине, учат понимать предназначенье своё в годину беды, учат товариществу и доброте. И кто из мальчишек не мечтал оказаться в трагическую минуту рядом с Зоей, в ночном заснеженном Петрищеве, чтобы помочь ей, чтобы победить врага и увести девушку от верной гибели.

Повесть Владимира Янова и есть вот такая мечта, светлая и фантастическая, мечта, пронесённая автором из юности в зрелую жизнь.

Юный герой из далёкого будущего, наперекор всему, приходит на помощь девушке, захваченной в плен фашистами, и спасает её от смерти, даруя спокойную мирную жизнь в райском уголке. Но такая жизнь не устраивает спасённую героиню. Она не может вести безмятежную жизнь и любоваться цветочками в то время, когда её народ бьётся насмерть с врагом.

В этой повести автор задаётся целью открыто поговорить с нынешними мальчишками и девчонками о Родине, о патриотизме, о дружбе и, конечно же, о любви. В сюжете, наполненном невероятными событиями, ему это во многом

удаётся. Эта повесть должна заставить нынешнее поколение вспомнить многое забытое из истории нашей страны, и поразмышлять о юности, о подвиге, о славе.

*Мама, выйди в предпраздничный сад,
Задержись у гранитной фигуры.*

Я по-прежнему, видишь, не стар,

И по-прежнему выгляжу юным.

Будет ветер над парком шуметь,

Год от года покоя не зная,

Как награду, кленовую медь,

Мне в петлицы любовно влетая.

И как много не сбудется бед,

Попрощавшись однажды с тобою,

Сквозь жестокую очередь лет

Я всегда возвращаюсь из боя.

Не погиб я в том жутко кровавом бою,

Не лежу на земле распростёртым...

На века остаюсь я в гранитном строю

Без наград и в простой гимнастёрке.

Николай Тертышный, писатель.

ОТ АВТОРА

Ровно сорок лет назад, весной 1965 года, перед празднованием 20-летия Победы над Германией, в фойе Московского геологоразведочного института, на втором курсе которого я в то время учился, выставили стенд, посвящённый ветеранам института, погибшим в Великой Отечественной Войне. На стенде был уголок, посвящённый студентке второго курса 1941 года Анне Азолиной, воевавшей в партизанском отряде под Москвой, случайно попавшей в плен к фашистам в районе деревни Петрицево, прошедшей зверские пытки и издевательства гитлеровцев и казнённой ими на виселице.

На стенде была помещена фотография молоденькой девушки в солдатской суконной шинели, шапке-ушанке, с мило вздёрнутым, чуточку курносеньким носиком и светлым, лучистым, девичьим лукавым взглядом. Фотография была очень низкого качества, переснятая с большим увеличением с фотографии на воинском документе. Но даже на этом слабом отпечатке нельзя было не заметить милое очарование этой девушки, её пытливый ум и отчётливо угадывающуюся глубокую внутреннюю одухотворённость. Многие видели эту фотографию, но меня она пронзила своей трагичностью.

Ведь эта героически погибшая девушка была такая же, как я, как все другие студенты, как вот эти юные смешливые первокурсницы, снующие по коридору института, как все остальные молодые юные чистые беспечные души. Но мы были живы, веселы, строили большие планы по переустройству мира в сторону добра и всеобщего счастья. А Ани уже почти четверть века, как не было на свете.

Её, восемнадцатилетнюю, такую же, как мы, весёлую и улыбочивую, повесили на деревенской площади в морозное снежное подмосковное утро. Её казнили практически ни за что, за то, что нашли в кармане телогрейки спички, и потому посчитали её поджигателем. А она была разведчицей, и, одетая под деревенскую девушку, собирала на оккупированной немцами территории сведения о дислокации немцев под Москвой. Этого требовало грядущее грандиозное декабрьское наступление.

Она погибла такой молодой и красивой. И вот эта чудовищная несправедливость войны ранила тогда меня в самое сердце на долгие годы. Я даже почувствовал себя виноватым перед ней, и перед всеми теми, кто погиб в этой тяжкой войне, не успев даже полюбить. И все сорок лет, прошедшие с тех пор, я храню фотографию Ани, тайком снятую со стенда в институте, в своём архиве. И все сорок лет я желаю загладить мою вину перед тем ушедшим поколением героев.

В результате появилась эта повесть. Я не зря назвал её — фантастическая повесть-быль. В своей основе повесть опирается на реальную судьбу реального человека. Тем более что я много раз переживал в душе события, описанные в этой книге. Если бы действительно можно было бы создать такую волшебную машину времени, я сам, наверное, ринулся бы в прошлое, чтобы спасти Аню и всех, кого я успел бы ещё спасти. Вопреки всем законам истории и наперекор общественному мнению. Потому что нельзя, чтобы умирали молодые, цветущие, полные сил личности. Молодые погибают только из-за ошибок и преступлений

циничных стариков, развязывающих губительные войны. Поэтому эта повесть в какой-то мере автобиографична, и поэтому она для меня — быль.

Я хотел бы только извиниться перед родственниками Ани, с которыми я не смог согласовать это произведение. Может, в чём-то я не совсем точен в биографических фактах. Но ведь эта повесть не только об Ане. Она обо всём том поколении, которое приняло на себя основной удар тяжелейшей войны. Я уверен, что случись эта история в действительности, большинство молодых людей тех лет поступило бы точно так же, как Анютка в моей повести. Они сознательно променяли бы неожиданно подаренный тропический рай на свою Отечественную Войну с захватчиком. Сколько ребят и девушек в первые дни войны добровольцами ушли на фронт для защиты нашей Родины. Только подобная стойкость и мужество помогли нам выиграть эту невероятно тяжёлую схватку с фашизмом. Чего не могу сказать о поколении нынешнем, для которого и написана эта повесть. Надеюсь, что эта история кого-нибудь заставит задуматься о войне и мире, о свободе и Родине, которая у каждого должна быть лишь одна и на всю жизнь.

Владимир Янов.

60-й годовщине Великой Победы над фашистской Германией и светлой памяти юной партизанки Ани Азолиной, повторившей подвиг Зои Космодемьянской и мученически погибшей при обороне Москвы П О С В Я Щ А Ю.

Автор.

Сквозь жестокую очередь лет

Фантастическая повесть-быль для юношества

ПРОЛОГ

Огромная тень Сатурна опять на четыре часа накрыла мой небольшой карьер по добыче самородного рубидия на Атласе, небольшом спутнике огромной планеты на окраине солнечной системы. Агрегаты добывающего комплекса сразу чуть замедлили свою деятельность, и роботу-диспетчеру пришлось тотчас ввести режим повышенного внимания и включить над карьером дополнительное освещение, в основном для меня, поскольку умные механизмы были способны работать даже в абсолютной темноте.

Юркие машины продолжали неумоимо трудиться под чёрным бархатом неземного звёздного неба. Одни

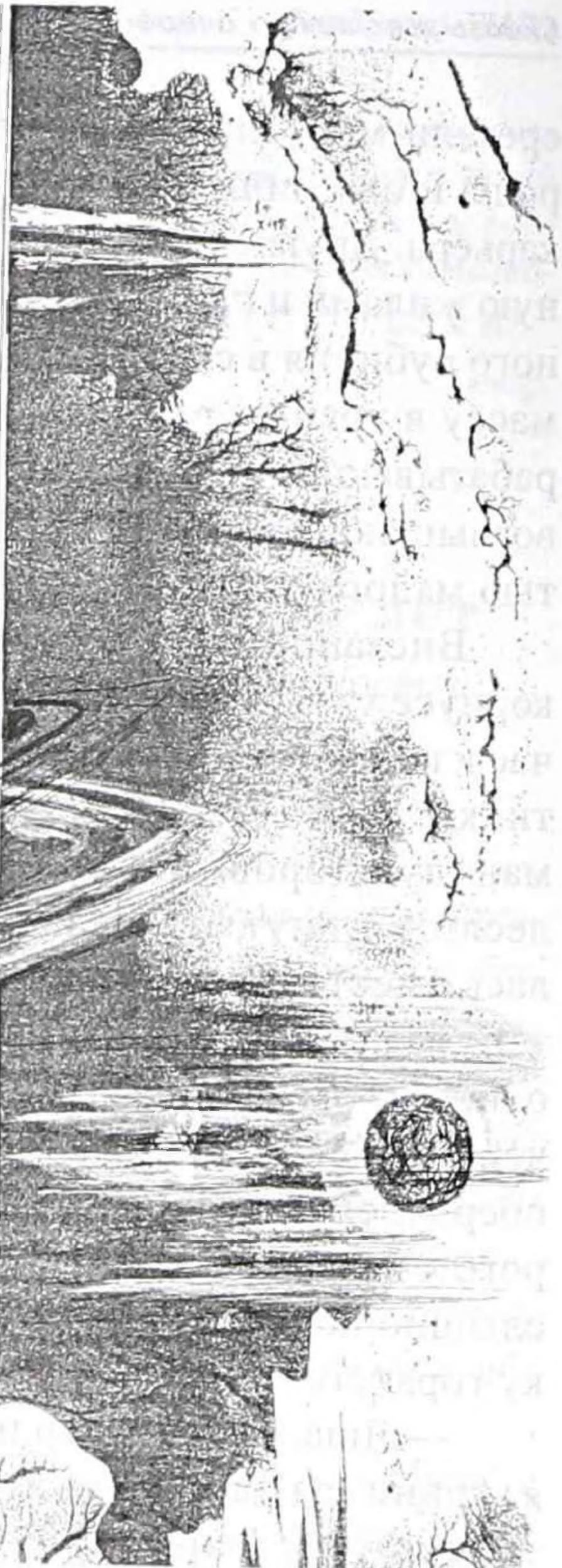
срезали могучими ножами поверхностные, пустые породы и отвозили их в отвал, в уже отработанную часть карьера. Другие рыхлили полезную толщу, представленную жилами и прожилками серебристо-белого самородного рубидия в серой лавовой брекчии, грузили рудную массу в транспорты-самосвалы, отвозившие её к перерабатывающему комплексу, невдалеке высоким куполом возвышающимся над сравнительно ровной поверхностью малого спутника Сатурна.

Внезапно одна из машин резко остановилась. На корпусе у неё загорелась яркая оранжевая мигалка. Тотчас к ней устремился стоящий неподалёку робот-ремонтник. Он запустил вовнутрь машины несколько своих манипуляторов, что-то заменил в механизме, и через десяток минут эта машина уже снова уверенно трудилась вместе с десятками других. Я посмотрел на монитор. Так и есть. Вышел из строя ходовой подшипник на одном из рыхлителей грунта. По данным робота-диспетчера, неисправность успешно и вовремя устранена. Я обернулся и щёлкнул пальцами. Робот-официант, которого я назвал от одиночества по-человечески Яшей, неслышно подкатил ко мне и протянул на подносе чашечку горячего кофе.

— Яша, опять сахар пожалел? — капризно спросил я, принимая дымящуюся чашечку. — Разберу на запчасти, смотри у меня.

2229 · 2220 · 2200 · 1998 · 195
1979 · 1961 ·

Робот виновато моргнул круглыми глазами и чуть согласно кивнул головой. Я отхлебнул кофе, поставил чашечку обратно на поднос, потянулся, широко зевнул и опять принялся за составление занудного годового отчёта. Робот неслышно откатился в свой уголок возле бара и затих, не сводя с меня своих недремлющих окуляров.

Заканчивается уже третий год моей отшельнической работы на этом дальнем рубеже нашей земной деятельности. Несмотря на полную роботизацию здешних работ, забот мне вполне хватало по присмотру за деятельностью добывающего и перерабатывающего комплекса, за выполнением графиков профилактических ремонтов и осмотров техники, по составлению технической отчётности. Бывали случаи, когда требовалось моё срочное вмешательство в решение производственных задач нелогичного характера, перед которым запрограммированное мышление даже суперроботов было бессильно. Компания мне уже предлагала молодого техника-стажёра, чтобы помочь в работе и немного скрасить моё одиночество. Но я твёрдо отказался.

По правде говоря, мне здесь нравилось. Тем более, что мне было необходимо побыть в одиночестве, чтобы осмыслить всё, произошедшее со мной. Я совершил тяжкий проступок перед моим обществом, доставил ему немало хлопот исправлением последствий моих похождений во времени. Поэтому сейчас я находил здесь ис-

тинную радость в труде в столь сложных неземных условиях. Потому я так упорно сейчас тружусь, снабжая промышленность Земли необходимейшим металлом. Я изо всех сил стараюсь искупить свою несомненную вину перед обществом. Но я не раскаиваюсь в содеянном. Если бы мне довелось ещё раз начать мою жизнь, я поступил бы точно так же.

После ареста силами хроноспецназа меня отправили доучиваться в спецшколу для проблемной молодёжи. Когда были собраны и изучены все последствия моего поступка, состоялся суд, который резко осудил меня, но наказывать сурово не стал по причине моей молодости, и потому ещё, что тяжелых потрясений для истории мой поступок не имел. В решении суда было записано буквально следующее:

«Поскольку изъятый исторический объект был возвращен обратно в свою среду практически в соответствии со временем, а в дальнейшем инцидент не стал причиной крупных хроноальных исторических сдвигов, считать произошедшее дисциплинарным проступком, достойным осуждения, и принять все меры к недопущению впредь подобных происшествий».

Закончив с отличием спецшколу, я поступил в геологоразведочную Академию на факультет космогеологии, на котором через шесть лет получил диплом космогеолога-разведчика планетарных месторождений. При

распределении мне предложили на выбор урановые шахты на Марсе, ртутные промыслы на Меркурии и рубидиевый карьер на Атласе. Я выбрал последний, в основном, из-за его сложности и отдалённости. И ещё оттого, что там можно было трудиться в одиночку.

Я с удовольствием включился в работу карьера, провёл несколько удачных преобразований и заработал хорошую репутацию у руководства. Три года пролетели совершенно незаметно, в будничном труде, в решении многочисленных, мелких и не очень, проблем, но всё чаще по ночам я вспоминал произошедшее со мной.

В последнее время я всё же почувствовал, что немного устал от утомительно чёрного неба над головой, от противно скрипящих, жёстких на космическом морозе скафандров, от привкуса металла во всех блюдах моей космической кухни. Я очень соскучился по родной зелёной планете, по летнему дождичку, по восхитительному аромату простого кавказского шашлыка. Мне стало очень не хватать земного тёплого солнца, хруста московского снега в морозную ночь, журчания горного ручья и даже суматошного чириканья надоедливых, самых обыкновенных городских воробьёв.

Всего один раз под Новый год тяжёлый межпланетный грузовик забредает в мои пустынные края, завозит мне запасы кислорода, запчасти для техники, продукты для кухни и традиционную новогоднюю ёлку из подмос-

ковного леса. Как раз сегодня должен прибыть очередной долгожданный борт с материка. Недавно мама по космической связи сообщила, что отправила мне с этим грузовиком тёплые носки и вкусные карамельки. Мама всегда остаётся мамой. И мне вдруг опять вспомнились мои каникулы, мои последние летние каникулы...

ПОСЛЕДНИЕ КАНИКУЛЫ

Летние каникулы близились к концу. Немноголюдная летом, сейчас, к началу сентября, Москва, вслед за возвращающимися дачниками, стала заполняться уставшим от путешествий и активного отдыха молодым народом. В городе появились группы забронзовевших любителей африканских сафари и покорителей Килиманджаро, компании продымлённых таёжных сибирских бродяг в изодранных на буреломах сверхпрочных силиконовых джинсах; обветренных, с обмороженными лицами, согнувшимися под гигантскими рюкзаками со снаряжением, исхудавшими до состояния, вызывающим всеобщее сочувствие, альпинистов.

Все они считали своим долгом после долгих странствий посетить прекрасную в своей средневековой суровости Красную Площадь, пройти по застывшему во времени Арбату, поклониться задумчивому Пушкину на Тверской, затем шумной ватагой посидеть за кружкой пива в

каком-нибудь небольшом кафе или баре на Петровке или в Столешниковом переулке, чтобы, затем, вернуться, наконец, в свою среду и в своё время, и лишь тогда приступить к обычной своей школьной или студенческой жизни.

Моя группа перед началом занятий по привычке собралась у меня. Все торопились поделиться впечатлениями о прошедших каникулах. Кто-то вернулся с Тянь-Шаня, где в лоб штурмовал пик Коммунизма, кто-то провёл каникулы у родителей на Марсе, где участвовал в строительстве подземных городов-колоний. Саша Мальцев пас китов — полосатиков в Антарктике, а мой друг Женька Рогов только-только прилетел своим глайдером с тихоокеанского подводного плато Клипертон, где он помогал добывать с океанского дна перенасыщенные тяжёлыми металлами железомарганцевые конкреции.

Мне в подарок он привёз распиленную половинку такой конкреции, внутри которой печально отсвечивало старинное серебряное колечко. Каким образом оно попало многие сотни лет назад в океанские глубины — оставалось только гадать.

Ко мне ребята ввалились сильно загоревшие, похудевшие, набитые под завязку впечатлениями, сувенирами и обидной снисходительностью. Они все разом забросали меня своими историями и идиотскими вопросами.

— Старик, ты ещё живой в своей замшелой келье? Ты смотри, он ещё не научился передвигать ногами

и кивать головой. Может, ты ещё и разговаривать умеешь? Когда ты, наконец, закончишь свою интеллектуальную табуретку? Как можно всё лето сидеть дома и собирать какую-то дебильную особу.

Они думают, что я всё ещё собираю новую модель кибероида, вроде того, что я им демонстрировал в прошлом году под Новый Год. Тогда он получился не совсем удачный, встроенный в роскошное старинное кожаное кресло. Когда на кресло кто-нибудь садился, оно начинало ругаться и ворчать противным бабьим голосом, пока я его не успокаивал. Вот и теперь, едва на него присел абиссинец Нурали из параллельного класса, как оно тут же занудило:

— Попрошу не выражаться. Никакая я вам не особа, и не тахта персидская, а мыслящий субъект с неограниченными возможностями. Я обладаю всеми знаниями мира, секреты чёрной магии для меня всё равно, что для вас рецепт яичницы-глазуньи, а вы себе что позволяете? Оскорбляете меня лично и ещё плюхаетесь на меня чуть ли не с ногами. Вот превращу сейчас кого-нибудь в ехидну вонючую или в жабу тропическую, будете тогда знать меня, и уважать, как коллегу по разуму.

Испугавшись, как бы ворчливое кресло действительно не выкинуло что-либо подобное, я прикрикнул на негодующее сидячее место, и оно затихло, однако чутко прислушиваясь к нашему разговору.